

гих. И он увидит себя таким, каково его отношение к этим другим. «Человек-пещера» — это целая свое-образная лаборатория, в которой он экспериментирует с самим собой — с собственностью своей души.

Выше было указано на две стратегии отношения к воображению — искусственную и естественную, что связано с наличием двух кругов в самом воображении. Определим их по-платоновски как «круг тождественного» и «круг иного». В мифе оба отношения нашли свое отражение. Первый эксперимент провели Адам и Ева, искусившись сорвать плод с Древа познания. Иной архетип «экспериментальной лаборатории» задан мифом о «пещере» у Платона. Если в мифологеме Рая эксперимент с естественным запрещается, поскольку его результаты могут быть использованы как во благо, так и во вред, то в мифе о «пещере» он поощряется. Обе мифологемы исторически эволюционировали, являясь противоположными стратегиями отношения к естеству.

С. СКОЛЬНИКОВ

ПЛАТОН И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Журналы по образованию уважительно называют Платона философом образования. В этой фразе выражена историческая признательность, хотя порой она воспринимается как не более чем пустые слова, произнесенные из лучших побуждений. То, что Руссо и Дьюи считали Платона выдающимся философом образования, для нас значит немного. Я хотел бы задать вопрос самому себе: почему Платон? Чему Платон научит нас сегодня в деле образования? Конечно, я не буду обращаться ко всему кругу идей Платона, посвященных образованию, которые, как обнаруживается, в основном оказываются родственными современным нашим проблемам. Я рассмотрю лишь некоторые центральные проблемы образования в платоновском толковании. Основное убеждение Платона, которое он унаследовал от Сократа, заключается в том, что существует реальное различие между истиной и ложью, благом и злом. Человек не является мерой всех вещей. Следовательно, существенно различаются знание в строгом смысле, «episteme», и простое мнение, «doxa». Это различие традиционно формулируется следующим образом: знание сопровождается разумом, в то время как мнение — нет. Однако эта формулировка упускает то, что могло бы быть названо «сократовской изюминкой». Недостаточно того, чтобы некто был разумен; разум должен быть известен

-
- © С. Скольников, 2002
 - © Р. В. Светлов, перевод, 2002

ему именно как разум. (Круг или, скорее, бесконечный регресс интенционален. Разум также нуждается в разуме, что становится ясно из описания гипотетического метода в «Федоне». Первичное основание не может быть элементом в последовательности разумов. Если кто-либо ищет такое основание, как разум среди разумов, то он, конечно, его не найдет. Это было выражено неоплатониками, и, с пост-картезианским искажением — Кантом.) Непрестанное сократовское требование личного осознания значения разума наилучшим образом проясняет некоторые современные проблемы образования. В эпоху критического мышления мы слишком легко порицаем Платона, особенно в последние пятьдесят лет, за использование им иррациональных средств в образовании. Платон, как известно, не был расположен к внушению идей (индоктринации). Но он полагал последнее, по крайней мере, как необходимую стадию в развитии разума. По его мнению, не может быть никакого образования на ранних ступенях без индоктринации того или иного рода. И Платон был глубоко пессимистичен в отношении возможности когда-либо преодолеть эту стадию. Он изложил свое мнение не только в «Политике» и «Законах», но также и в десятой книге «Государства» и даже в «Пире». Тем не менее, согласно Платону, роль иррационального элемента в образовании не ограничена поощрением «капельки добродетели» в тех, кто неспособен воспринять большее. Платон использует иррациональное на службе рационального, даже в наиболее авторитарных модусах последнего. Сила его пессимизма относительно возможности человека когда-либо достигнуть своей разумной природы соответствует только стойкости его веры в то, что каждое человеческое устремление в своем основании рационально, как бы ни было оно искажено, и что, следовательно, человек, тем не менее, способен к совершенству. Можем ли мы упорствовать по поводу оптимизма Платона в его воззрении на человека? Не рассматривая подробно этот вопрос, обратим внимание на платоновское стремление не утверждать слишком определенно, что разум может проявиться в человеке без заботливого воспитания. Поскольку разумность, как бы мы ни понимали ее, полностью никогда не дана человеку от рождения; ему следует развивать ее шаг за шагом, которые, по необходимости, сами по себе иррациональны. Здесь необходимо выделить различие между поощрением («protrepsis»), философским руководством души и собственно философией. Для человека естественным является то, что разум — это нечто, к чему он должен постепенно привыкать с раннего возраста. Кроме того, согласно Платону, разумность не является только социальным или историческим соглашением, хотя именно общество рождает обязанность развивать его. Критическое мышление не есть нечто, что вырастает из самого

себя. Парадоксально, но для того, чтобы быть «критически мыслящим», необходимо быть обусловленным извне. Отнюдь недостаточно пройти по стадиям скептицизма и критики, нужно увидеть суть всего дела. И видение этой «суть» не является чисто психологическим событием, вызванным эмпирическими условиями и практиками, которые могут быть научным образом исследованы и обобщены в учебных руководствах. Эти условия и практики, несомненно, нужны, как это показано, например, в «Тимее». Однако они ни коим образом не достаточны. Как вновь и вновь подчеркивает Платон, для этого требуется прямо-таки физическая революция, изменение души, не менее эмоциональное, чем интеллектуальное. Содержание этой революции не является тем, что может быть выражено словами; это нечто, что каждый должен достигнуть сам. Вот почему сократическая ирония — это бесконечная ирония. Это не «простая» ирония Квинтилиана, в которой «то, что имеется в виду, противоположно тому, что говорится» (9. 2. 44; cf. 6. 2. 15, 6. 3. 68). Это и не «сложная» ирония Властоса, в которой решение между утверждением и отрицанием оставлено в состоянии неопределенности¹. Скорее, в сократической иронии неопределенным остается противоположный полюс — это ирония, которая выводит собеседника из лабиринта его собственных неразумных мнений, но не дает взамен какой-либо альтернативы. Эту альтернативу нужно найти самому. Однако безотносительно к тому, что может показаться (вероятно, неизбежно) человеку, отвечающему Сократу, эта альтернатива не открыта «a parte obiecti». Есть лишь один подходящий собеседник, который должен быть достаточно знаком с истиной. Сократ может дать Менону некоторые косвенные нити (миф о припоминании, урок геометрии, метод рассуждения, используемый в диалоге), но не в состоянии сделать это знание актуальным для Менона. Разумение стремится к тому, чтобы принудить ученика встать лицом к лицу с правдой, не давая саму правду ему в руки, не создавая в нем ошибочного впечатления, что он обладает правдой только потому, что она, как это было сказано, «дарована ему свыше». То, что, как предполагает Сократ, увидит в себе его собеседник — не менее чем сама философия, причем не только как когнитивное достижение, но также и, главным образом, как полнота убеждения в ее правомочности. Не исследованная жизнь — не подлинная жизнь, возражает Сократ собеседнику. Другими словами, он утверждает, что разум направляется самим собой. Знание не является в первую очередь каким-то инструментом или чем-то утилитарным. И добродетель есть знание. Знание ценно само по себе и само в себе. Внутренняя ценность разума не может быть

¹ *Vlastos G.* «Socratic Irony». *Socrates: Ironist and Moral Philosopher*. Cambridge, 1991. P. 21–44.

доказана, ибо очевидно, что здесь любое доказательство связано с убеждением в ценности доказательства. Для Платона центральным в обучении является экзистенциальный аспект. Образование не может быть настоящим, если оно обращено только на свой непосредственный предмет. Образование всегда имеет двойной центр: предмет и обучающегося. И тот, кто учит, должен увидеть, как приблизить к студентам изучаемый предмет, или, скорее, как экзистенциальное начало, имеющее отношение к ученику, может быть расширено до включения в него истины. Может ли система образования достичь своих целей без сотрудничества с теми, кто в нее включен? Ответ Платона содержится в мифе об Эре, очевидно отрицательный. Именно урок Евтидема показывает, что не существует неподвластного действия учителя способа образования и подходящего всем учителям и ученикам метода обучения. Дидактическая техника имеет очень узкие границы. Техника Евтидема и Дионисодора безупречна — в некотором смысле лучше сократовской техники. Шанс попытался показать, насколько серьезно Платон относился к софистической технике. Но с образовательной точки зрения он потерпел неудачу, по крайней мере, в двух пунктах: эта техника не учитывала реального взаимодействия между учителем и учениками, полагаясь на чисто вербальный уровень, и, более того, она принуждала учеников принять гипотезы учителей, предполагая с самого начала попытку интеграции нового мнения в старые суждения учеников. Какая бы апория ни затрагивалась, она выступает как логическая или, в лучшем случае, эпистемологическая, но никогда — как экзистенциальная. А ведь именно экзистенциальный аспект апии, не логический и не когнитивный, делает ее эффективной. Среди учеников Платона постепенно (хотя, быть может, и не в достаточной степени) получало признание то, что Сократ не рассматривал отвлеченные доктрины. Для него всегда должен иметься некто, чтобы возложить на него ответственность, даже если она несет лишь временный характер, за согласие или несогласие с утверждением, принятым к рассмотрению. Даже когда кажется, что Сократ не делает этого (как в некоторые моменты беседы с Фрасимахом или с Калликлом), именно он как последнее средство разделяет обязанности вопрошающего и отвечающего и берет на себя защиту рассматриваемого мнения. Часто говорят, что сердцевина платоновской доктрины «припоминания» состоит в представлении о том, что мнение приходит извне, а знание — изнутри. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что в источнике познания между мнением и знанием, или между индоктринацией и образованием, нет столь уж большой разницы, каков бы ни был этот источник. Что является мнением для Платона? Мнения не являются своей собственной частью, каковой является, например,

рука. Они не выступают чьим-либо владением, каковым является, например, дом. И они — не нечто, отделенное от себя; они основываются на себе в некотором специфическом отношении, как чье-либо дитя. Из сократовского «обмена позициями» с Полом в «Горгии» и другими героями диалогов становится ясным, что Платон считал следующее: мнения, которые никто не может примирить с мнениями и действиями других, в действительности не принадлежат человеку, который их провозглашает, безотносительно к тому, сколь твердо он может быть убежден в их правоте. Проблема не в том, насколько глубоко обоснованы его мнения или откуда они к нему пришли, но в том, что он не может их интегрировать в свое мировоззрение (если, конечно, он его имеет). Это — характернейшая черта сократического способа рассуждений: принять гипотезу, чтобы затем отрицать следствия из нее как неестественные и даже патологические. Но если так, то может ли кто-либо иметь мнение просто как свое собственное? Ведь мнения по своему определению изолированы друг от друга. Согласно нашему предположению, только знание может быть названо чьим-либо знанием, несмотря на то, что оно полностью интегрировано в другие знания. Сократовское требование единства познания повторяется в его взглядах на единство личности. Сократ ищет интегрированную личность — личность, в которой нет противоречий ни в мысли, ни в действии, ни между мыслью и действием. Платон рассматривает такое положение как ментальное здоровье. Но следует быть осторожным в интерпретации концепции ментального здоровья. Как и любая другая, данная концепция здоровья, при всей своей натуралистической интерпретации, — вещь для Платона недостаточная. Здоровье не является лишь отсутствием болезни, ни даже правильным функционированием организма как такового, ни внутренней гармонией тела (или души). Здоровье — это для Платона, в согласии с его метафизикой, свобода от тела идеального начала души, не данная непосредственно в опыте. Образовательный урок «Горгия» и «Государства» ясен: не может быть образования на чисто натуралистических или позитивистских предпосылках. И если кто-либо сегодня будет отрицать не-натуралистический взгляд Платона на здоровье, ему придется предложить иной обоснованный взгляд на ментальное здоровье как цель образования (того, что отличается от терапии). Если эпистемология должна быть отлична от психологии, человеку придется оставаться вдали от самого себя. Цена, которую платят за натуралистический или психологический взгляд на человеческую природу, слишком высока. Диалектик включается в разговор тогда, когда его собеседник в момент рассуждения вызывает его на разговор, соответствующий его природе. Но какова природа диалектика? Что значит «быть человеком»?

По мнению Платона, изложенном в «Пире», быть самостоятельным человеком — значит быть способным к совершенству, быть способным направиться по ту сторону того, что эмпирически дано ему или содержится в нем. В «Государстве» определение человека не привязано к тому, что может показаться конформистским, о чем так заботятся в «городе свиней». На уровне жизненных потребностей образование не необходимо (кроме образования, гарантирующего преемственность общепринятых технических знаний). Человек, тем не менее, никогда не удовлетворен подобным уровнем социальной организации. Он должен выйти за пределы данности. Именно поэтому, педагогика не может быть свободна от ценностей, не может быть дидактикой. Это было продемонстрировано Платоном в «Горгии» и «Протагоре» и нашло свое развитие в «Государстве». Ориентированное на потребление образование невозможно. Цензура, в том числе и образовательная цензура, не свободна от суждений, исходящих из ценностей (Платон добавил бы: не свободна от них и метафизическая концепция). В частности, согласно Платону, разум не имеет целей за своими пределами. Образование как развитие разума существует ради самого образования. И в этом смысле общество обслуживает образование, а не образование общество. Платон непреклонен в том, что единственной целью всего образовательного процесса является воспитание твердого выбора в пользу разума.

Перевод с английского Р. В. Светлова

Н. В. СЕРОВ

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПЛАТОНИЗМА

Мысленно обособив три рода (Тимей, 49а слл): *то, что рождается, то, внутри чего совершается рождение, и то, по образцу чего вырастает рождающееся*, Платон соотносит их с ребенком, матерью и отцом соответственно. При этом основополагающий первообраз обладает мыслимым тождественным бытием; *то, что рождается как подражание вечносущему, должно быть зримо и явить взору пестрейшее разнообразие, а восприимница всего по природе своей*

© Н. В. Серов, 2002